

Очевидной особенностью семейских является их глубокая религиозность: «хотя у семейских заперты церкви и поломаны кресты, но сибиряки, по общему утверждению, несравненно беднее религиозным чувством, чем староверы. Между последними встречаются люди истинно религиозные и благочестивые, т.е. высоко нравственные» [4, с. 351].

Таким образом, к числу доминантных фрагментов картины мира семейских старообрядцев, отмеченных в дореволюционных источниках, можно отнести в большей степени выраженное, чем у другого населения Сибири и Дальнего Востока, отношение к вере, религии, сельской общине как наиболее комфортной форме жизни и общения. «Семейские – это гранитные камни. От векового действия враждебных стихий они, быть может, выветрились и исполнились недостатками, но доселе все еще стоят крепко и представительно, неизмеримо возвышаясь над всем остальным сибирским населением» [8, с. 1613].

ЛИТЕРАТУРА

1. Грулев М. Из прошлого Забайкалья // Русская старина, 1901, № 4. С. 203 – 224.
2. Михайлов К.П. Общинный быт у крестьян Забайкальской области Восточной Сибири // Русская мысль. Год шестой. Декабрь. М., 1885. С. 1-24.
3. Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. Духовные движения семнадцатого века. М.: «Церковь», 1995.
4. Прыжов И. Записки о Сибири / Газета «Сибирь», 1881, № 7. С. 330 – 352.
5. Галкин-Враской М.Н. Поездка в Сибирь и на остров Сахалин в 1881 – 1882 годах // Русская старина. Ежемесячное историческое издание. СПб., 1901. № 1. С. 188 – 189.
6. Беляев А.П. Пережитое и передуманное. Воспоминания А.П.Беляева: отъезд в Сибирь, пребывание в Чите и Петровске, жизнь на поселении // Русская старина. Ежемесячное историческое издание. СПб., 1881, № 4. С. 819 – 820.
7. Головачев П. Приамурье как русская земледельческая колония. М., 1894. С. 59 – 60.
8. Якушкин И.Д. Из записок декабриста Якушкина // Русский архив. 1870. № 1 – 19. С. 1613 – 1614.

ОБ ИСТОРИИ СТАРООБРЯДЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В СИБИРИ, ЗАБАЙКАЛЬЕ, ПРИАМУРЬЕ: ПО МАТЕРИАЛАМ ИСТОЧНИКОВ РУБЕЖА XIX – XX вв.

О заселении Приамурья

П. Головачев

Заселение Амурского края русским элементом началось более сорока лет тому назад: еще в 1854 и 1855 гг. возникли первые русские поселения в низовьях Амура, куда принудительно были направлены казаки из Забайкалья и добровольно прибыли крестьяне из Иркутской губернии и Забайкальской области, а в 1857 г. туда были сплавлены шестьдесят две женщины из ссыльно-каторжных.

С 1856 г. началось заселение левого берега Амура в пределах нынешней Амурской области, куда высылались забайкальские казаки и поселялись в пунктах, имеющих, главным образом, стратегическое значение.

В 1858 г., по настоянию графа Муравьева-Амурского, было отправлено на казенный счет тысяча семейств на Амур, но дошло только пятьсот, так как ассигнованных средств было мало. Переселение на казенный счет было прекращено.

В 1861 г. переселялись принудительно казаки из Забайкалья, штрафные солдаты (586 человек в 1860 г.) и очень немногие добровольные переселенцы из крестьян, всего около семи тысяч до 1869 г.

Ожилилось переселение с 1883 г., когда переселялось по несколько сот семей в год. К 1894 г. численность русского населения в Амурской области дошла до 51 320 человек.

Переселение имело или принудительный характер, или переселялся элемент слабосильный, без всяких средств, привлеченный в край слухами о многоземелье и очень большими льготами. Зажиточных, переселявшихся за свой счет, было меньшинство.

г. Коржинский писал на этот счет: «Нигде так ярко не выступают лень и беспечность жителей, нигде не бросаются так в глаза какие-то городские замашки и претензии вместе с крайней нищетой и бездомностью. Здесь вы увидите праздных казаков, вечно слоняющихся безо всякого дела по улице... В целой станице подчас нельзя найти крынки молока, десятка яиц и фунта масла. Казаки сами говорят, что «у нас в станице можно с голоду помереть» (Коржинский (?) Отчет об исследовании Амурской области как земледельческой колонии. С. 56 – 57).

Печатается по: Головачев П. Приамурье как русская земледельческая колония. М., 1894. С. 59 – 60.

Тарбагатай

А.П. Беляев

Когда мы подходили к Тарбагатаю (*село в Тарбагатайской волости Забайкалья, основанное старообрядцами – Н.Г.*), большому старообрядческому и очень богатому селению, нам навстречу вышла пропасть народа. Здесь мы были расположены по квартирам очень большим и опрятным. Все эти старообрядческие селения были очень богаты и имели большие и хорошо устроенные дома и даже с некоторым крестьянским комфортом. Между молодежью большая часть уже оставила старообрядческие верования, конечно, более по равнодушию ко всякому верованию, нежели по сознанию фальши в их отцовских преданиях, хотя и это они сознавали, но легко и поверхностно. Все почти курили трубки, несмотря на то, что многим из них доставалось от стариков. Впрочем, у этих раскольников незаметно было того фанатизма и нетерпимости, каким отличаются закоренелые и невежественные раскольники в России. Многие из людей богатых выписывали и читали газеты и журналы, интересовались современностью и охотно входили в религиозные разговоры с многими из наших, которые знали церковную историю.

Тарбагатайские старoverы были отличные пахари. Земледелие было у них в самом цветущем состоянии, а как их местность вообще гористая, то все склоны гор были возделаны с большим тщанием, что нас очень удивляло и радовало. Когда мы жили в Петровском остроге, то все хлебное продовольствие нам привозили из Тарбагатая.

Москва, 1878 г.

Печатается по: Беляев А.П. Пережитое и передуманное. Воспоминания А.П.Беляева: отъезд в Сибирь, пребывание в Чите и Петровске, жизнь на поселении // Русская старина. Ежемесячное историческое издание. СПб., 1881, № 4. С. 819 – 820.

И.Д. Якушкин

... когда мы приблизились к Тарбагатаю, перед нами развернулся чудесный вид: все покатоности гор, лежащие на юг, были обработаны с таким тщанием, что нельзя было довольно налюбоваться на них. Из страны совершенно дикой мы вступили на почву, обитаемую человеком, деятельность и постоянный труд которого преодолели все препятствия неблагоприятной природы и на каждом шагу свидетельствовали о своем могуществе. Жители староверческого этого селения вышли к нам навстречу в праздничных своих нарядах. Мужчины были в синих кафтанах и женщины в шелковых сарафанах и кокошниках, шитых золотом. Это были уже не сибиряки, а похожие на подмосковных и ярославских поселян. За Байкалом считают около двадцати тысяч староверов, и туземцы называют их поляками. Во время первого раздела Польши граф Чернышев захватил в Могилевской губернии раскольников, бежавших за границу, и возвратил их в Россию. Им было предложено присоединиться к православной церкви и отправиться в Сибирь. Многие из них перешли в православие, другие же, более упорные в своем веровании, были отправлены в Восточную Сибирь и поселены за Байкалом. Когда проходили мы Тарбагатай, там жил еще старик, имевший поседевших внуков и помнивший все это происшествие. По его рассказам, он пришел шестнадцати лет в Иркутск со своей матерью и малолетним братом. Мать и брат его с другими поселенцами в числе 27 мужских душ были отправлены в Тарбагатай. Место это было тогда непроходимая дебрь. Сам же он, со всеми неженатыми парнями, годными на службу, был зачислен в солдаты и попал в денщики к доктору немцу, который, сжался над его бедным положением, через два года выхлопотал ему отставку. В 1830 г., когда мы проходили Тарбагатай, там считалось более 270 ревизских душ. Вообще забайкальские староверы большею частью народ грамотный, трезвый, работающий, и живут в большом довольстве.

В двадцати верстах от Тарбагатая мы проходили селение малороссов, водворенных там уже более двадцати лет. Эти живут не так привольно, как их соседи староверцы.

Датировано сентябрем 1830 г.

Печатается по: Якушкин И.Д. Из записок декабриста Якушкина // Русский архив. 1870. № 1 – 19. С. 1613 – 1614.

Петровский завод

М.Н. Галкин-Враской

Меня заинтересовал самый путь к заводу (*имеется ввиду Петровский железодельный завод в Читинской обл. – Н.А.*) среди сплошных полей и зажиточных поселений так называемых «семейских». Это раскольники-беспоповцы, выселенные сюда со своими семьями более ста лет назад из северо-западного края.

Женщины общительны, щеголеваты и красивы. Мужья более сдержанны в обращении, умны и работающи. Старики сильны общим к ним уважением и послушанием.

Хлебопашество составляет исключительно их занятие. Обрабатывают они одни яровые хлеба, начиная с ярицы, кончая пшеницей. Распахивают землю с самых вершин гор, живописующих берега Селенги. Меня встречали с хлебом-солью. «Семейцы», как их все здесь назы-

вают, вспоминали великого князя Алексея Александровича, его ласковое обращение. Старец Медведев просил «поклониться» ему от них.

Недостаток земли побуждает их ходатайствовать о прирезе земли. Хорошо было бы от каждого селения их устроить выселки по Амуру и Уссури. Старики могли бы руководить этими новыми заселениями. Их же устойчивость в работе, единение в поддержании друг друга и трезвый образ жизни послужили бы залогом упрочения и развития таких выселков в пример другим. Забайкальский губернатор, генерал Ильяшевич, высказывал мне по этому поводу свою мысль – направить их в бурятские степи, поясняя, что «буряты мало что извлекают из земли. Будучи народом кочевым, угнетаемым ламами, они только при оседлости, к чему, может быть, побудили бы их своим примером, русские раскольничьи поселения, – могли бы сделаться и себе, и правительству полезными».

Печатается по: *Галкин-Враской М.Н.*
Поездка в Сибирь и на остров Сахалин в 1881 – 1882 годах //
Русская старина. Ежемесячное историческое издание.
СПб., 1901. № 1. С. 188 – 189.

Староверы

И.П. Прыжов

На западе Сибири староверы называются каменщиками, т.к. живут в горах или «на камне», а на востоке – семейскими.

Ученый путешественник М.И.Венюков приводит замечательный факт, сообщенный ему в 1868 г. в Иркутске бывшим начальником штаба Кухелем в присутствии многих лиц.

Военный губернатор Амурской области Педашенко однажды вздумал посетить староверческие селения, возникшие на Призейской равнине, в 50 – 100 верстах от Амура, и нашел их цветущими уже на второй или третий год существования, тогда как казенные поселенцы на богатом Амуре помирали с голода. «Славно вы живете, братцы, – говорил он крестьянам, – гораздо лучше, чем казаки, даром, что у них Амур под боком. От чего же эта разница?» «А, батюшка ваше превосходительство, оттого, что мы от начальства подальше!» «Какая горькая ирония!», – замечает от себя Венюков («Русская старина», 1879, П, С. 279).

Семейские в Забайкалье – староверы из Дорогобужа и Гомеля, сосланные при Анне Иоанновне и Екатерине в 1767 г. в количестве 40 000 человек («Иркутские епархиальные ведрмости», 1878, № 38). По рассказам старообрядцев, их переселение происходило с Ветки и Стародубских слобод:

- 1) собирали старообрядцев в Калуге (на берегу Оки, за городом, стояли амбары, где много перемерзло народу);
- 2) на судах везли до Казани, где многих взяли в рекруты, и полк из семейских был сформирован в Тобольске;
- 3) часть осталась в Алтайских горах, в Бийском округе;
- 4) за Байкал пришли уже малыми частями. Первыми – на Чикой в 1755 г.; вторые – в марте 1768 г. на р. Иро, а в 1780 – на Бичуру (за негодностью места); третьи – в 1780 г. ушли в хребты, образовав Тарбагатайскую и Мухор-Шибирскую волости.

Переселение ... староверов, силой оторванных от родины и гонимых без малейшей вины, было целою эпопеей страданий и, несмотря на то, они не погибли, не одичали, не сдела-

лись звероловами и не переродились в нацию хищников, как сибиряки, но оказались навек важными культурными деятелями. Все эти обстоятельства мы слишком забываем...

Недавно старообрядцы ограблены были пограничными казаками, живущими богато, совершенно разнузданно и дико, которые силой отняли у них все пахотные земли, даже с посеянным на них хлебом.

Хотя у семейских заперты церкви и поломаны кресты, но сибиряки, по общему утверждению, несравненно беднее религиозным чувством, чем староверы. Между последними встречаются люди истинно религиозные и благочестивые, т.е. высоко нравственные.

Семейская община крепка остатками коренного народного обычного права, почти забытого у сибиряков.

Семья остается крепким союзом родичей и не развращена, как у всего остального сибирского населения, поэтому староверы никогда не смешивались ни с инородцами, ни с каторжными и сохранили в себе основной тип русского человека.

Семейская женщина работяща, а потому и нравственна и нисколько не развращена, как сибирячка. Она благородна и горда. Одежда женщин старинная: сарафан всегда ярких цветов и кичка, повязанная платком в виде чалмы. Песня и пляска старинные, каких, пожалуй, не сыщешь теперь и на Руси. Она необыкновенно деятельна, оттого и хозяйство у нее идет отлично, косит траву не хуже мужчины. Опираясь на свою женщину, домовитую, энергичную, деятельную и дома, и в поле, и в торговле, семейские производят громадное количество хлеба.

Они (*семейские* – Н.А.) при Муравьеве положительно спасли Амур от голодной смерти, и не будь семейских там, при казенных порядках, если бы все переселенцы не померли от голода, так стали бы есть друг друга, как это случалось.

С 1857 г., в течение 9 лет, семейские неустанно, беспрекословно, но и без большого ущерба для своего хозяйства несли обязательную повинность кормить хлебом Амур, посылая туда от 300 до 500 тысяч и даже до миллиона пудов ежегодно, и не только давали муку и зерно даром, но приплачивали еще по 10-20 копеек на пуд за доставку до Читы вольными возчиками (казна давала за пуд 60 копеек, доставка из Тарбагатай стоила 70-80 коп.). Все это забыто и не заплачено за это семейским ни малейшим состраданием к их участи.

Хлеб семейских на всех базарах от Иркутска до Нерчинска и лучшие продукты – мука, масло русское, чухонское (белое), картофель, капуста, огурцы, овес, арбузы, конопляное семя, горох, свиньи, утки и т.д. – принадлежат преимущественно семейским. Повторяем: не будь семейских... все Забайкалье и Нерчинский край с Амуром, с их сибиряками, помещанными на одном лишь хищничестве, успели бы сто раз «пропасть» от голоду.

Семейские лишены церкви, но высоко религиозны; у семейских нет школ, – не только гимназий и прогимназий, – но они несравненно грамотнее сибиряков.

«Образовав сплоченную общину, они стремились к внутреннему развитию, заботливо распространяя между своими последователями грамотность, создавали хотя сухую, догматическую и схоластическую литературу, но тем не менее распространенную в среде староверов и известную большинству; касались таких философских и социальных вопросов, о которых православно-сибирская масса никогда и не думала, и разрешали эти вопросы иногда по началам западного рационализма» (Газета «Сибирь», 1881, № 7).

Семейские резко отличаются от сибиряков своим высоким умственным, экономическим и социальным благосостоянием.

У староверов есть будущее, у сибиряков же никакого. Семейские – это гранитные камни. От векового действия враждебных стихий они, быть может, выветрились и исполнились недостатками, но доселе все еще стоят крепко и представительно, неизмеримо возвышаясь над всем остальным сибирским населением.

Печатается по: Прыжов И. Записки о Сибири / Газета «Сибирь», 1881, № 7. С. 330 – 352.

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ СЕМЬИ СТАРООБРЯДЦЕВ (СЕМЕЙСКИХ)

В настоящем выпуске мы публикуем рассказы, записанные в 2006-2007 гг. от представителей семьи Зайцевых, жителей села Новоандреевка Белогорского района Амурской области. Это брат Николай Еремеевич Зайцев (1936 г.р.) и две сестры Александра (Сара) Еремеевна Зайцева, в замужестве Васина (1930 г.р.) и Мария Еремеевна Зайцева, в замужестве Борисова (1934 г.р.). Именем Сара старшая сестра была наречена при крещении, однако «в миру» использовалось имя Александра (Шура).

История семьи Зайцевых примечательна. Они называют себя кержасками, «выходцами с реки Кержас» (Керженец). По названию реки старообрядцев называли кержасками – это была одна из самых крепких в православной вере групп старообрядцев. Известно, что по реке Керженец (Нижегородская область) еще в XVII в. существовали поселения старообрядцев, скрывавшихся от властей. Наибольшую известность получил Комаровский скит, описанный в романах П.И. Мельникова-Печерского – историка, этнографа и писателя, по заданию Российской академии наук в конце XIX века изучавшего историю, нравы, особенности веры и быта старообрядцев.

По рассказам Николая Еремеевича, род Зайцевых в начале XIX в. насильственно был переселен в Забайкалье в деревню Андреевка из Нижегородской области. В 1886 г. Зайцевы одними из первых вместе с семьями Кушнаревых, Сластиных, Свинкиных, Петровых уже в Приамурье на берегу реки Зeya основывали одноименное село. В амурский край большая семья Зайцевых выехала добровольно, так как в Забайкалье не хватало пахотных земель, а в здесь обещали большие наделы. После нескольких наводнений село Андреевка было перенесено выше по Зее и в 1928 г. переименовано в Новоандреевку. Уже более века потомки первых андреевских поселенцев проживают на амурской земле.

Зайцевы занимали высокое общественное положение в Новоандреевке, были уважаемыми людьми. Еремей Зайцев (отец) возглавлял старообрядческую общину, вел службу, крестил детей, разбирал ссоры между соседями, воспитывал в своих детях и односельчанах любовь к православной вере. Многие члены большого рода Зайцевых были раскулачены и репрессированы в годы коллективизации за то, что имели крепкое хозяйство, много трудились сами и имели наемных работников, которых приравнивали к членам семьи, за то, что читали православные книги, молились и учили жить по совести.

Дети Еремеева Зайцева, чьи рассказы мы публикуем, хранят в памяти рассказы о прошлом старообрядческой общины. В их воспоминаниях повествуется о крестьянской жизни,